

просто: по существующему положенію объ управленіи края обворованный киргизъ киргизомъ, или сартъ сартомъ имѣетъ право притянуть вора въ свой народный судъ, т. е. первый къ бію, а второй къ казю. Киргизъ же съ сартомъ не могутъ судиться безъ добровольнаго согласія обоихъ у народнаго судьи; добровольнаго же согласія, конечно, никогда не бываетъ и потерпѣвшій тогда можетъ жаловаться только русскому суду. Вотъ тутъ-то и выходитъ ровнь.

Народный судья имѣетъ право присудить вора на 18 мѣсяцевъ въ тюрьму. Конечно, рѣдко это бываетъ, но все же случается; большею же частью дѣло кончается миромъ безъ разбора его, при чемъ всегда уплачивается нѣкоторая сумма за возвращеніе краденаго. Рѣшается это большей частью скоро и если доходить до слѣдователя, то все основывается на присягѣ,—кто ее принялъ, тотъ и правъ. Весьма рѣдко бываетъ, чтобы въ народномъ судѣ присяга была ложная. Но вѣдь если дѣло пойдетъ въ русскій судъ, то тутъ, кромѣ того, что оно протянется довольно долго, они всегда имѣютъ возможность доказать свидѣтельскими показаніями свое *alibi*. Рѣдкій воръ дѣйствуетъ одинъ: они всегда имѣютъ помощниковъ, которые и изображаютъ изъ себя даровыхъ всегдашнихъ свидѣтелей. До присяги рѣдко доходитъ, да если бы и пришлось, то эта присяга передъ русскими не такъ страшна для свидѣтелей. Въ результатѣ много потраченнаго времени, расходъ на поѣздки и, въ лучшемъ случаѣ, глумленіе оправданнаго вора.

У насъ они—наперечетъ, въ канцеляріи пристава даже составляется альбомъ воровъ. Извѣстно, кто изъ нихъ старшіе и кто сподручные; все это извѣстно, однако, не по фактическимъ даннымъ, а по молвѣ народной, а потому ссылки на это недѣйствительны и рѣшающаго значенія не имѣютъ. А они не зѣваютъ, пользуются возможностью грабить чуть не на выборъ; ограбивши, они же берутся за деньги найти краденое и по большей части деньги остаются, какъ приплата къ покражѣ.

Все украденное въ ту-же ночь отирается далѣе и случается, что къ утру лошадь оказывается уже въ другомъ уѣздѣ.

Украденное обыкновенно открыто продается на базарахъ и часто случается, что купившій, вполне честный обыватель, расплачивается за другого. Отношеніе населенія къ ворами странное: имъ при встрѣчахъ отвѣчиваютъ «кульдуки», заискиваютъ передъ ними и случается, что богатый конокрадъ, рѣшивъ забастовать, выбирается на какую нибудь должность и становится вполне почетнымъ лицомъ.

Есть вору, практикующіе чуть не десятками лѣтъ, а въ случаѣ требованія официальныхъ свѣдѣній о нихъ отъ туземной администраціи, получаютъ донесенія, какъ о вполне благонадежныхъ лицахъ: «въ воровствѣ не судился». Какъ можно такому господину помѣшать стать біемъ, или старшиной, особенно, когда деньги—рѣшающій факторъ на выборахъ.

Теперь есть маленькая надежда, что ворами не такъ свободно будетъ производиться свои операціи: ожидается учрежденіе русскихъ конныхъ стражниковъ въ волостяхъ. Будемъ надѣяться, что эта русская полицейская власть поможетъ приставамъ обуздать воровъ, такъ какъ туземная администрація противъ нихъ въ большинствѣ случаевъ бессильна: «своему поневолѣ братъ».

А.

В. П. Наливкинъ.

20 февраля, въ день открытія Государственной Думы, защитникомъ и выразителемъ интересовъ Туркестанскаго края въ ней явился избранникъ города Ташкента одинъ изъ старѣйшихъ туркестанцевъ и популярнѣйшій человекъ въ краѣ Владиміръ Петровичъ Наливкинъ.

Мѣстная печать всѣхъ отгѣнковъ уже дала ему яркую характеристику, но я полагаю не лишнимъ, съ одной стороны, пополнить пробѣлы въ оцѣнкѣ его разнообразной дѣятельности, а съ другой—ст

тѣнить вѣкоторыя вѣстмѣченныя еще черты его жизни.

Въ 80-ые, 90-ые и 900 ые года В. П. Наливкинъ завоевалъ широкую популярность и симпатію какъ среди русскихъ, отъ Перовска и Вѣрнаго до Красноводска и Опа, такъ и среди туземныхъ народностей средне-азиатскихъ владѣній. Лучшія начинанія туркестанскихъ административныхъ дѣятелей на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ такъ или иначе тѣсно соприкасались съ личностью В. П. Наливкина. Его, безъ преувеличенія, можно назвать однимъ изъ настоящихъ завоевателей Туркестана. Этому завоеванію, замиренію и устройенію онъ способствовалъ не столько оружіемъ, сколько перомъ и тѣснымъ общеніемъ съ туземцами, изучая среди нихъ языкъ, бытъ и исторію края и этимъ онъ сдѣлалъ больше, чѣмъ то, что могли сдѣлать пушки и пролитая кровь.

Владиміръ Петровичъ создалъ цѣлое поколѣніе прекрасныхъ работниковъ на учительской нивѣ, умѣя внушить и привить имъ любовь и уваженіе къ туземцамъ, ихъ языку, вѣрѣ и обычаямъ и развить серьезный интересъ къ изученію исторіи туземныхъ народностей. Среди этихъ скромныхъ тружениковъ найдется нѣсколько почтенныхъ именъ, извѣстныхъ трудами по краевѣдѣнію не только въ Туркестанѣ, но и въ столицѣ Имперіи. Широкая вѣротерпимость, заложенная въ законоположенія о туземномъ населеніи незабвеннымъ К. П. фонъ-Кауфманомъ, встрѣтила въ В. П. Наливкинѣ самаго дѣятельнаго сторонника. Результатомъ дѣятельности этихъ двухъ замѣчательныхъ лицъ въ исторіи Туркестана на поприщѣ народовѣдѣнія явилось постепенное превращеніе вполнѣ естественной враждебности бывшихъ враговъ въ доброжелательныхъ и мирныхъ друзей. Тѣ добродушныя отношенія побѣжденныхъ къ побѣдителямъ и наоборотъ, которыя мы теперь наблюдаемъ, возникли не сама собой, они могли возникнуть только благодаря самоотверженной работѣ людей, подобныхъ В. П. Наливкину, которые, путемъ освѣщенія характера обоихъ на-

родовъ, создали почву для ихъ сближенія. За это такимъ людямъ честь и слава отъ насъ, благодарныхъ потомковъ.

Владиміръ Петровичъ Наливкинъ, хотя и убѣленный сѣдиной, далеко не старый человѣкъ; родился онъ 25 февраля 1852 года, курсъ наукъ прошелъ въ лучшемъ по тому времени среднемъ учебномъ заведеніи—С. Петербургской военной гимназій, временъ Милютина. Въ 1871 году, окончивъ курсъ 1 Павловскаго военнаго училища, 19 лѣтъ выпущенъ портупейюнкеромъ и зачисленъ хорунжимъ въ конно-артиллерійскую бригаду Оренбургскаго казачьяго войска. Рожденный и воспитанный въ семьѣ, проникнутой традиціями славнаго запорожскаго войска, онъ остался вѣренъ до сѣдины его свободолюбивымъ стремленіямъ. Черезъ годъ, 20-лѣтнимъ юношей, онъ участвовалъ въ Хивинскомъ походѣ, состоя въ 1 казачьемъ баталіонѣ полковника Перелыгина,

дѣйствовавшаго въ дѣлахъ противъ хивацевъ и туркменъ. Въ декабрѣ 1873 года онъ получилъ отличіе «за храбрость», затѣмъ награжденъ орденомъ Анны 4 степени, а въ январѣ 1874 года произведенъ въ сотники. По окончаніи Хивинскаго похода, В. П. былъ прикомандированъ къ Петро-Александровскому дивизиону, подъ командой капитана Куролькова. Въ 1875 году, вернувшись въ сентябрѣ изъ отпуска, В. П. женился на Маріи Владиміровнѣ Сартори, но не успѣвъ отдохнуть двухъ мѣсяцевъ, получилъ назначеніе въ кокандскій походъ, въ ракетный дивизионъ. Съ января 1876 года, еще до окончанія Кокандскаго похода, онъ перешелъ на новое поприще, начавъ службу по военно-народному управленію. Молодой, 24-лѣтній офицеръ получилъ сразу солидное назначеніе на должность старшаго помощника уѣзднаго начальника Наманганскаго уѣзда. Первые шаги службы по военно-народному управленію онъ началъ подъ руководствомъ одного изъ лучшихъ туркестанцевъ, 28 лѣтняго капитана Аверьянова, нынѣ генерала въ отставкѣ. 6 октября 1876 года В. П. приглашенъ былъ въ составъ комиссіи для организаціи Кокандскаго уѣзда, но вско-

рѣ, по болѣзни, возвратился къ исполненію прежней должности помощника уѣзднаго начальника.

Въ отношеніи В. П. Наливкина является крайне любопытнымъ и загадочнымъ, откуда боевой офицеръ, не получивъ для этого школьной подготовки, могъ проявить столько любви и интереса къ изученію этнографіи и языка чуждыхъ намъ народностей. Кажется, я не ошибусь, объяснивъ загадку его поразительными лингвистическими способностями. Еще въ военной гимназій, въ общеніи съ товарищами-кавказцами, онъ ознакомился съ грузинскимъ языкомъ, а изъ школы вынесъ основательное знаніе французскаго языка. Вообще, языки давались ему легко. Понятно, что при столкновеніи съ реальными интересами жизни земледѣльческаго населенія онъ сразу убѣдился, что знаніе мѣстнаго языка даетъ ключъ къ познанію туземца. Молодой артиллерійскій офицеръ вполнѣ усвоилъ принципъ, вполнѣдствіи настойчиво проводившійся въ жизнь такими лучшими администраторами края, какъ Н. И. Гродековъ, графъ Н. Я. Ростовцевъ, Д. И. Субботичъ, Н. А. Ивановъ, которые, несмотря на преклонные годы и массу постороннихъ дѣлъ, сами изучали туземный языкъ, съ цѣлью обходиться безъ переводчиковъ. В. П. ясно понималъ, что вельзя быть полезнымъ администраторомъ при помощи института наемныхъ, часто продажныхъ толмачей, изъ татаръ и туземцевъ.

Не избѣжалъ В. П. и того увлеченія, которому отдавались лучшіе люди 60 и 70 годовъ,—хожденія въ народъ. Подъ вліяніемъ особыхъ условій жизни и службы, молодой блестящій офицеръ, которому, привходя изъ училища, улыбалась служба въ гвардіи, выходитъ въ отставку въ чинѣ штабсъ-капитана, съ цѣлью окунуться въ самую глубь народной жизни, уйти болѣе чѣмъ въ скромную, можно смѣло сказать аскетическую, обстановку ферганскаго дикхана, столь мало привычную для европейца, въ тихій кишлачный уголокъ Наманганскаго уѣзда. Это было въ маѣ 1878 года. Нельзя пройти молчаніемъ, что лучшимъ и вѣрнымъ по-

мощникомъ въ столь высоко серьезномъ, народномъ дѣлѣ, потребовавшемъ не мало самопожертвованія и гражданскаго мужества, являлась отважная супруга Владиміра Петровича Марія Владиміровна. Она не задумалась отрѣшиться отъ самыхъ элементарныхъ культурныхъ удобствъ привычной городской обстановки и поселилась съ мужемъ въ сѣрой сартовской саклѣ, лишивъ себя и дѣтей примитивныхъ удобствъ жизни. Для молодой, свѣтской женщины рѣшимость на такой шагъ я считаю скромнымъ, но несомнѣннымъ подвигомъ и потому я рѣшаюсь, на ряду съ славнымъ именемъ В. П. Наливкина, поставить прекрасный обликъ, полной идейнаго самопожертвованія и готовности, во имя любви, на тяжелый трудъ и лишения, супруги его Маріи Владиміровны Наливкиной, во многомъ облегчившей мужу тяжесть непривычнаго существованія.

Еще въ 1877 году В. П. поселился въ 25 верстахъ отъ Намангана въ урочищѣ Радванъ, среди кипчаковъ, а затѣмъ, выйдя въ отставку, купилъ клочекъ земли въ Нанаѣ, въ предгорьяхъ Наманганскаго уѣзда и здѣсь началась скромная, но въ высшей степени плодотворная дѣятельность супруговъ Наливкиныхъ по изученію языка, земельного быта, религіи и обычаевъ ферганскаго туземца не по книжнымъ источникамъ, а изъ самихъ источниковъ жизни народной. Опытъ хожденія въ народъ въ 70-ые годы показалъ русской интеллигенціи, что это было далеко не легкимъ дѣломъ, что тамъ ихъ ждало не мало огорченій и разочарованій, что мало прійти къ народу съ готовыми формулами и рецептами новыхъ началъ жизни, чтобы быть понятыми и оцененными. Народъ долго смотрѣлъ на нихъ, какъ на баръ и бѣлоручекъ, а социально-экономическими вопросами интересовался постолько, поскольку они вытекали изъ его религіозно-этическихъ воззрѣній. Значительно позже у народниковъ открылись глаза: они прозрѣли и поняли, что, чтобы быть понятнымъ и понятымъ народомъ надо подойти къ нему со стороны его духов-

ныхъ интересовъ, со стороны его вѣрова-
ваній и упованій, что прежде чѣмъ учить

чему вибудь народъ, надо проникнуться
его понятіями, научиться его жизни не
со стороны одной только его внѣшности.
Это ясно поняли супруги Наливкины. Они
вошли въ кишлачную жизнь и не только
привняли ея внѣшнюю оболочку, но оку-
нулись въ главный смыслъ ея—трудовую
сторону. Выражаясь значительно позже
усвоенной терминологіей, они «опрости-
лись». Онъ надѣлъ сартовскій халатъ,
она накрылась чимбетомъ и паранджой и
такъ они прожили не одну-двѣ недѣли,
а шесть лѣтъ, съ головой погружившись
въ гущу туземной жизни. Зимой они жи-
ли въ Нанаѣ среди сартовъ, а лѣтомъ съ
киргизами, откочевывая въ горы. Жизнь
была далеко не легкая. Въ такой обста-
новкѣ, въ сырой холодной саклѣ, согрѣва-
ясь сартовскимъ одѣяломъ за общимъ
садаломъ, родились, росли и воспита-
вались дѣти, до 7—8 лѣтъ не знавшіе
русской рѣчи, смѣшиваясь съ сартята-
ми. За то результаты получились блестя-
щіе. Супруги усвоили сартовскій языкъ
въ той тонкости, какая не достигается
учебниками и школами. Званіемъ живой
разговорной рѣчи сартовскаго (узбекскаго)
и персидскаго (таджикскаго) языковъ
В. П. поражалъ солидныхъ ученыхъ и
востоковѣдовъ и академики Миддендорфъ
и Залеманъ не разъ высказывали свое удив-
леніе.

Результатомъ 6-лѣтняго пребыванія въ
кишлакѣ Нанаѣ явились солидныя работы:
1) Очерки быта туземной женщины въ
Ферганѣ и 2) Русско сартовскій и Сар-
товско - русскій словарь. Обѣ книги,
плодъ совмѣстной работы супруговъ,
были награждены большой золотой ме-
далью, на которой значится: «Отъ Импе-
раторскаго Россійскаго географическаго
общества В. П. и М. В. Наливкинымъ
за труды по статистикѣ и географіи».

Кишлачнаго уединенія В. П. снова
былъ лишенъ генераломъ Абрамовымъ. Ему
порученъ былъ серьезный трудъ по из-
слѣдованію сыпучихъ песковъ въ Ко-
кандскомъ уѣздѣ близъ почтовой станціи

Патаръ, результатомъ чего явился лите-
ратурный трудъ объ этомъ предметѣ. Во-
обще это богатое впечатлѣніями и жиз-
ненными наблюденіями время дало В. П.
чрезвычайно обильный матеріалъ по изу-
ченію земледѣльческаго быта въ Ферган-
ской области. Работы эти печатались въ
Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ временъ Н. А.
Маева, куда для ознакомленія и отсы-
лаемъ читателя.

Кишлачная жизнь съ небольшимъ пе-
рерывомъ продолжалась до 1884 года,
когда В. П. былъ вновь приглашенъ на
государственную службу по военно-на-
родному управленію. Онъ занялъ долж-
ность младшаго чиновника особыхъ по-
рученій при военномъ губернаторѣ Фер-
ганской области Н. А. Ивановѣ и пере-
именованъ въ гражданскій чинъ.

Съ 1 января 1885 года В. П. былъ пе-
реведенъ въ Ташкентъ въ распоряженіе
Туркестанскаго Генераль-Губернатора Н. О.
Розенбаха. Рѣдкія его познанія въ тузем-
ныхъ нарѣчіяхъ были немедленно оцѣ-
нены и В. П. получилъ весьма серьезное
назначеніе завѣдывать ташкентскимъ, въ
азиатской части, русско туземнымъ учили-
щемъ. Сверхъ этихъ прямыхъ обязанно-
стей на него было возложено преподава-
ніе мѣстныхъ нарѣчій въ Туркестанской
учительской семинаріи. Въ послѣдней
должности онъ былъ утвержденъ 7 фев-
раля 1886 года.

При Н. О. Розенбахѣ, по инициативѣ и при-
дѣятельномъ участіи Сыръ-дарьинскаго
военнаго губернатора Н. И. Гродекова,
въ Ташкентѣ снова было обращено
серьезное вниманіе на необходимость
изученія туземныхъ нарѣчій для всѣхъ
лицъ военнаго и гражданскаго вѣдомства,
служащихъ по военно народному управ-
ленію. Тогда впервые была признана
необходимость широкой организаціи кур-
совъ сартовскаго языка и первые курсы
поручено было вести молодому препода-
вателю учительской семинаріи В. П. На-
ликину, для которыхъ отведено было
помѣщеніе въ зданіи мужской гимназіи.
6 сентября того же года В. П. Налив-
кинъ былъ назначенъ предсѣдателемъ
комиссіи по переводу Положенія объ

управленіи Туркестанскаго края на сартовскій языкъ. Работа эта продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ. Затѣмъ переводъ былъ напечатанъ и разосланъ разнымъ должностнымъ лицамъ.

Не успѣвъ В. П. окончить эту работу, какъ получилъ новую командировку на два мѣсяца для осмотра открытыхъ и вновь открывавшихся русско-туземныхъ школъ въ Сырь-дарьинской и Ферганской областяхъ. Такая же командировка поручалась ему въ апрѣлѣ 1888 года въ Самаркандскую и Ферганскую области.

Въ томъ же году онъ былъ назначенъ председателемъ комиссіи по переводу на сартовскій языкъ преподаваемыхъ къ руководству инструкцій по завѣдыванію ирригаціей въ Туркестанскомъ краѣ.

Въ 1890 году при Туркестанскомъ учебномъ округѣ былъ организованъ особый надзоръ за мусульманскими и русско-туземными школами, при чемъ инспекторомъ былъ назначенъ В. П. Наливкинъ.

Прямота и рыцарская честность неподкупнаго воина привела его къ нѣкоторымъ конфликтамъ, благодаря которымъ въ 1896 году состоялся его переводъ на должность инспектора училищъ въ Самаркандскую область.

Кипучая дѣятельность В. П. и широкое знакомство его съ мусульманскимъ міромъ встрѣтили рѣдкую оцѣнку столь просвѣщеннаго дѣятеля, какъ графъ Н. Я. Ростовцевъ, который, въ небольшой промежутокъ исполненія обязанностей Туркестанскаго Генераль-Губернатора, оцѣнилъ и поддержалъ даровитаго труженика и зватока мусульманства. Графъ Н. Я. Ростовцевъ обратилъ особое вниманіе на собраніе и разработку матеріаловъ по изученію края и открылъ широкій доступъ статистико-экономическимъ и лингвистическимъ трудамъ мѣстныхъ интеллигентныхъ силъ къ страницамъ ежегодныхъ сборниковъ самаркандскаго статистическаго комитета. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, уже послѣ преждевременной кончины графа Н. Я. Ро-

стовцева, въ сборникахъ этихъ, получившихъ на долго окраску графа, продолжались печататься труды В. П. Наливкина, среди которыхъ назовемъ такія солидныя работы, какъ «Руководство къ практическому изученію сартовскаго языка», Самаркандъ 1898 года и «Руководство къ практическому изученію персидскаго языка», Самаркандъ 1900 года.

Къ этому времени относится мое первое знакомство съ В. П. Часто встрѣчался за чайнымъ столомъ, въ дружеской бесѣдѣ и принципиальныхъ спорахъ, я былъ необычайно пораженъ его свѣтлыми, гуманными взглядами на жизнь. Особенно поразила меня его начитанность въ библіи. Вскорѣ я узналъ, что В. П. изучилъ древне-еврейскій языкъ и библію читалъ въ подлинникѣ. Въ самаркандскомъ сборникѣ статистическаго комитета имѣется интересное его изслѣдованіе «Исламъ и законъ Мойсея», въ которомъ онъ выказалъ большія познанія въ мусульманскомъ правѣ и глубокое уваженіе къ библейской мудрости.

Особенно поразительно было у В. П. отношеніе къ національнымъ вопросамъ. Изучивъ законы и мудрость еврейскихъ законодателей, онъ относился съ глубокимъ уваженіемъ и любовью къ еврейской народности. Въ немъ не только не замѣчалось противнаго истинно христіанскому духу шовинизма, но онъ съ глубокимъ негодованіемъ и презрѣніемъ относился ко всякому человѣконенавистничеству, особенно ярко выражавшемуся въ процвѣтавшемъ тогда, какъ и теперь, антисемитизмѣ.

Нѣсколько лѣтъ пребыванія В. П. Наливкина въ Самаркандѣ оставили у горожанъ и его сослуживцевъ лучшія воспоминанія. Зародившійся при немъ въ Самаркандѣ кружокъ народныхъ чтеній встрѣтилъ въ немъ самое внимательное отношеніе, несмотря на то, что въ этомъ дѣлѣ его роль, какъ инспектора училищъ, должна была быть ролью цензора и гасителя этого скромнаго дѣла.

Въ маѣ 1899 года генераль Духовской, отмѣтивъ широкія познанія В. П. Наливкина по краевымъ вопросамъ, пригласилъ

силъ его занять мѣсто старшаго чиновника особыхъ порученій при Туркестанскомъ Генераль-Губернаторѣ. Въ свою очередь и генераль Духовской обращалъ серьезное вниманіе на изученіе мусульманства.

Для осуществленія этого дѣла организовано было изданіе «Сборниковъ матеріаловъ по мусульманству», редація которыхъ была поручена В. П. Наливкину. Популярное и авторитетное имя В. П. Наливкина мобилизовало для участія въ сборникахъ лучшія мѣстныя силы, какъ въ Ташкентѣ, такъ въ Самаркандѣ, въ Бухарѣ и Маргеланѣ.

Въ концѣ того же года В. П. былъ назначенъ въ составъ комиссіи для разсмотрѣнія программы дѣятельности органовъ министерства земледѣлія, о порядкѣ мѣстнаго завѣдыванія государственными имуществами въ Туркестанскомъ краѣ и для выработки правилъ отчужденія и пользованія въ населеніи пастбищными мѣстами.

Въ маѣ 1900 года, до пріѣзда вновь назначеннаго въ Ташкентъ дипломатическаго агента, г. Лютша, дѣла и дипломатическую переписку предложено принять В. П. Наливкину.

Въ мартѣ 1901 года В. П. получилъ назначеніе на постъ помощника военнаго губернатора Ферганской области. Ему пришлось исполнять нѣсколько разъ обязанности Ферганскаго военнаго губернатора. На этомъ посту у него произошли несогласія съ генераломъ Арендаренко, послѣ которыхъ, въ ноябрѣ 1904 года, В. П. былъ отозванъ въ Ташкентъ Туркестанскимъ Генераль-Губернаторомъ Тевяшевымъ въ личное распоряженіе послѣдняго. Здѣсь на него возложенъ былъ рядъ новыхъ серьезныхъ работъ. Такъ, въ январѣ 1905 года онъ былъ назначенъ въ составъ комиссіи по ревизіи всего хозяйства Ташкентской городской управы, а въ ноябрѣ того же года онъ работалъ въ составѣ другой комиссіи по пересмотру дѣйствующихъ по Закаспійской области узаконеній для согласованія ихъ съ выработаннымъ проектомъ Положенія объ управленіи Туркестанскаго

края.

Въ іюнѣ 1906 года В. П. по прошенію вышелъ въ отставку съ мундиромъ и половиною пенсіей. Онъ поселился въ городѣ Ташкентѣ, гдѣ вплоть до состоявшихся выборовъ читалъ группѣ гражданскихъ и военныхъ лицъ лекціи по мусульманскому праву и сартовскому языку, главнымъ образомъ въ цѣляхъ поддержанія своихъ скудныхъ матеріальныхъ средствъ.

Подводя итоги 35-лѣтней дѣятельности В. П. Наливкина, съ особеннымъ вниманіемъ останавливаешься на его литературно-педагогическихъ работахъ. Сожалѣю, что срочность моей скромной работы не позволила мнѣ собрать точныя свѣдѣнія о всѣхъ его литературныхъ трудахъ, напечатанныхъ въ разныхъ временныхъ изданіяхъ и изданныхъ отдѣльно. Нѣкоторыя его сочиненія переведены на французскій языкъ. Отъ *Exposition universelle internationale* 1900 года онъ получилъ за литературные труды серебряную медаль.

Вотъ краткій, далеко не полный перечень его трудовъ: 1) Азбука для русско-мусульманскихъ школъ Сыръ-дарьинской области 1885 года, 2) Русско-сартовскій и сартовско-русскій словарь по нарѣчіямъ Наманганскаго уѣзда В. П. и М. В. Наливкиныхъ 1886 года, 3) Краткая исторія Кокандскаго ханства 1886 года, 4) Очеркъ быта жевщины осѣдлаго туземнаго населенія Ферганы В. П. и М. В. Наливкиныхъ 1886 года, 5) Азбука для русско-мусульманскихъ школъ осѣдлаго населенія Туркестанскаго края, изданіе второе 1886 года, 6) Сартовско-персидская хрестоматія съ приложеніемъ примѣровъ для перевода съ русскаго на сартовскій и персидскій языки 1887 года, 7) Русско-персидскій словарь общеупотребительныхъ словъ по нарѣчіямъ Туркестанскаго края 1889 года, 8) Школа у туземцевъ Средней Азіи (рѣчь, произнесенная на годичномъ актѣ Туркестанской учительской семинаріи 31 мая 1889 года), 9) Хрестоматія для Туркестанской учительской семинаріи 1896 года, 10) Руководство къ практическому изученію сартовскаго языка 1898 года,

11) Руководство къ практическому изученію персидскаго языка 1900 года, 12) Исслѣдованіе сыпучихъ песковъ Ферганы, 13) Очеркъ благотворительности у осѣдлыхъ туземцевъ Туркестанскаго края, 14) Что даетъ среднеазиатская мусульманская школа въ образовательномъ и воспитательномъ отношеніяхъ (Сборникъ въ пользу прокаженныхъ В. Духовской), 15) Замѣтки по вопросу о лѣсномъ хозяйствѣ въ Ферганѣ, 16) Особенности охоты у туземцевъ Туркестанскаго края и 17) Исламъ и законъ Моисея.

Въ этотъ списокъ не включенъ рядъ трудовъ, готовящихся къ печати, какъ, напримѣръ, капитальный сартовскій словарь и другіе.

Кромѣ того сюда не вошелъ рядъ статей по краевымъ вопросамъ и воспоминаній изъ хивинскаго и копальскаго походовъ, напечатанныхъ за два послѣдніе года въ мѣстныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Ю. Якубовскій.

Гидротехническія работы

1906 года въ Сыръ-дарьинскомъ районѣ для цѣлей колонизаціи.

Гидротехническій персоналъ переселенческой организаціи состоялъ: изъ инженера-гидротехника Елистратова и находившихся въ его распоряженіи водныхъ техниковъ Шеффера, Протопопова и практиканта-студента томскаго технологическаго института Романовскаго. Кромѣ того, нижеуказанныя условія работъ потребовали возложить исполненіе нѣкоторыхъ порученій, съ согласія мѣстнаго управленія земледѣлія, на завѣдывающаго каналомъ Императора Николая I техника Лундинга.

Организованныя переселенческимъ управленіемъ въ Сыръ-дарьинскомъ районѣ работы не могли быть вообще открыты съ началомъ полевого періода; въ томъ-же положеніи оказались и гидротехническія изслѣдованія: въ концѣ лишь мая уда-

лось пригласить на службу инженера-гидротехника и указанный составъ водныхъ техниковъ, а къ производству работъ приступить въ первой половинѣ іюня мѣсяца.

Нормальнымъ полевымъ періодомъ для гидротехническихъ работъ по изысканіямъ въ Туркестанскомъ крайѣ считается время съ 1 марта по 1 ноября. Въ текущемъ же году изыскательныя работы едва удалось закончить къ половинѣ декабря.

Первоначально на производство гидротехническихъ работъ было ассигновано 5000 рублей и предполагено означенную сумму, какъ и остальные операціонные кредиты, назначенные для переселенческаго дѣла въ районѣ, израсходовать на изысканія и изслѣдованія. Ближайшее же ознакомленіе съ положеніемъ этого дѣла въ районѣ потребовало въ текущемъ году работъ и по устройству переселенцевъ, почему не только часть указанной суммы была израсходована на производство строительныхъ гидротехническихъ работъ, но для той же цѣли было назначено вновь 700 рублей изъ кредитовъ переселенческаго управленія, 660 рублей изъ земскихъ суммъ Туркестанскаго края и 3000 рублей изъ ссуднаго кредита переселенческаго управленія въ ссуду крестьянамъ селенія Надеждинскаго Ходжентскаго уѣзда Самаркандской области для орошенія ихъ землепользованія. Кромѣ того, изложенныя ниже причины побудили въ теченіе предстоящихъ зимнихъ мѣсяцевъ производить въ районѣ образованныхъ въ текущемъ году хуторскихъ надѣловъ въ Голодной степи Ходжентскаго уѣзда строительныя гидротехническія работы, на что въ распоряженіе переселенческаго управленія Сыръ-дарьинскаго района, съ разрѣшенія Туркестанскаго Генераль-Губернатора, назначено заимообразно изъ городскихъ суммъ края 2300 рублей съ тѣмъ, что эта сумма будетъ возвращена изъ строительнаго кредита будущаго года, который испрашивается по смѣтѣ на улучшеніе ирригаціонной сѣти Императора

НАЛИВКИНЪ.

Есть нѣмецкая сказка о рыцаряхъ-братьяхъ, которые на зарѣ, покуда не показалось солнце и туманъ обманываетъ зрѣніе, отправились по бѣлу-свѣту искать себѣ счастья и славы.

— Я вижу высокую гору:—сказалъ старшій братъ,—тамъ живетъ ужасный драконъ, похищающій дѣвушекъ. Пойдемъ, убьемъ его и освободимъ плѣнныхъ.

— Вотъ вздоръ,—возразилъ второй:—это не гора, а старинный замокъ. Въ немъ обитаетъ злой волшебникъ. Слѣшимъ сразиться съ нимъ.

— Не гора это и не замокъ,—заявилъ третій.—Незачѣмъ, да и опасно двигаться въ этомъ направленіи. Взойдетъ солнце, и вы увидите, что тамъ лежитъ топкое болото, въ которомъ увязнемъ и мы, и наши кони.

Слово за слово, возгорѣлась ссора и, вмѣсто нападенія на чудовищъ и чародѣевъ, братья вступили въ бой другъ съ другомъ.

А когда они уже истекали кровью, совсѣмъ разъяснилось, и стало понятно, что ошибались всѣ трое...

Что такое истина?

На этотъ вопросъ не могъ дать отвѣта даже Тотъ, Кого половина человечества счита-

етъ воплощеніемъ истины. Если бы мы ее знали, если бы мы обладали мѣркою, позволяющею опредѣлить степень приближенія того или другого ученія къ истинѣ, межъ нами не было бы братоубійственныхъ распрей и споровъ о томъ, что именно видимъ мы въ данный моментъ: гору, замокъ или болото.

Можно не вѣрить въ истину, которую исповѣдуетъ мой братъ; можно выходить на смертный бой за собственную истину, но нельзя не уважать людей, которые ищутъ истину, какъ умѣютъ, и служатъ ей, какъ могутъ.

И авторъ этихъ строкъ, совсѣмъ не обнажая головы предъ ученіемъ социаль-демократовъ, съ чувствомъ почтенія относится къ такому изъ представителей думской социаль-демократической фракціи, какъ Наливкинъ.

Пусть онъ погрѣшаетъ, пусть его богъ—для насъ только фетишь, но само исканіе бога правды есть уже рыцарскій, высокій подвигъ.

Лицо Наливкина сразу врѣзывается въ память. Не по лѣтамъ молодежавое (Наливкину около 60 лѣтъ), розовое, оно рѣзко контрастируетъ съ сѣдинами бороды и головы. Голубые глаза улыбаются дѣтски-довѣрчиво, а зубы, ровные и крѣпкіе, блещутъ бѣлизной.

Создается впечатлѣніе, какъ будто возрастъ безсиленъ сдѣлать этого человѣка дряхлымъ: старость лишь крыломъ коснулась его, по-

серебривъ волосы и отступивъ предъ зеркаломъ души—лицомъ.

А душа у Наливкина—дѣйствительно совсѣмъ молодая, восторженная русская душа.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ. Бывшій вице-губернаторъ—и вдругъ социаль-демократъ,—съ недоумѣніемъ дожимаютъ многіе плечами.

Да, да, господа! И „его превосходительство“ и въ то же время „товарищъ“! Русскую натуру трудно вогнать въ узкій футляръ.

Да и то сказать: въ странѣ, гдѣ профессора фортификаціи пишутъ оперы, гдѣ астрономы сочиняютъ балеты, гдѣ медики становятся архіереями, а архіереи—погромщиками, почему въ такой странѣ „особѣ четвертаго класса“ не быть социаль-демократомъ?

Наливкинъ—натура порывистая, бездокойная.

Такіе, какъ онъ, искали правды въ 17-мъ вѣкѣ въ срубахъ раскольниковыхъ костровъ, въ 18-мъ—въ масонствѣ и иллюминатствѣ, въ 19-мъ они шли въ народъ и гибли въ Петропавловкѣ, 20-й—привелъ ихъ на крайнія лѣвыя скамьи россійской Думы.

Вся жизнь Наливкина—рядъ неудачъ и огорченій, выпадающихъ на долю тому, чья совѣсть не позволяетъ мириться съ повседневнымъ торжествомъ кривды. Отъ такихъ безпокойныхъ людей бѣгутъ товарищи и близкіе. Непосредственное начальство ихъ преслѣдуетъ, и только подчиненные втихомолку говорятъ о нихъ съ любовью.

Онъ окончилъ Павловское военное училище. Отправился служить въ Среднюю Азію. Находился въ отрядѣ Скобелева. Участвовалъ въ бояхъ. Былъ раненъ.

Военный закалъ положилъ неизгладимый отпечатокъ на характеръ Наливкина. Основные черты его натуры—прямолинейность, не-

отступающая передъ самыми крайними выводами, и стремительность въ нападеніи,—качество, менѣе удобное на думской каедрѣ, чѣмъ въ лагерѣ.

Избытокъ силъ потребовалъ себѣ у Наливкина новой пищи, когда средне-азиатскіе походы были закончены. Наступала пора возмужалости и съ нею критическаго отношенія къ окружающему. Какъ герой Купринскаго „Поединка“, онъ начинаетъ мучительно анализировать себя и военную среду и убѣждается, что въ ней—онъ лишній.

Онъ остается въ Азіи, гдѣ его заинтересовываютъ сарты, несчастный народецъ, которому мы принесли сомнительную культуру и несомнѣнный сифилисъ. Наливкинъ знакомится съ бытомъ сартовъ, ихъ языкомъ, письменностью, религіей, дѣлается крупнымъ

ориенталистом-этнографом и затѣмъ переходитъ на службу по такъ называемому военно-народному управленію въ Самаркандской области.

Было бы утомительно описывать его административную карьеру. На-лицо были всѣ данныя, чтобы она протекала блестяще, всѣ... за исключеніемъ умѣнья мириться со слугами произвола и героями казнокрадства.

Столкновеніе по службѣ съ лицомъ, занимавшимъ высшую іерархическую ступень, закончилось моральнымъ торжествомъ Наливкина: плутъ, котораго онъ обличалъ, былъ посрамленъ и отставленъ, но одновременно пришлось уйти въ частную жизнь и Наливкину. Еще бы! Онъ вредилъ престижу власти,

онъ подрывалъ устои, выводя на чистую воду лихоимцевъ и пасильниковъ.

Служебная его репутация погибла, но зато возвысилась и окрѣпла другая,—гражданская. Когда г. Ташкенту нужно было послать любименнаго человѣка въ палату, выборъ населенія палъ на Наливкина.

— Не кажется-ли вамъ,—спросилъ я Наливкина,—что, мечтая о социалистическомъ строѣ для Россіи, переживающей первые дни конституціи, вы уподобляетесь человѣку, который требовалъ бы выдачи университетскаго диплома ребенку, едва вступившему въ приготовительный классъ гимназій?

— Съ точки зрѣнія послѣдовательнаго эволюціониста, — отвѣтилъ мнѣ Наливкинъ, — не слѣдовало бы и проводить желѣзныя дороги въ Самаркандѣ: вѣдь скачекъ отъ верблюдовъ, на которыхъ недавно тряслись сарты, до пудмановскихъ вагоновъ, не менѣе рѣзокъ, чѣмъ отъ самодержавія до социализма.

Вотъ онъ, характерный отвѣтъ для русскаго социаль-демократа, и мыслящаго и дѣйствующаго скачками!

Есть что-то глубоко трогательное въ юношеской восторженности и политическомъ оптимизмѣ такого старца, какъ Наливкинъ. Одна смерть затушить въ этой душѣ исканія правды и яркое пламя протеста, непримиримаго, неумолимаго.

М. Ганкебушъ.

На пути отъ Кюбека до Ташкента.

(Записки).

Теперь уже нѣтъ сомнѣній въ томъ, что и постройку южной части Оренбургъ-Ташкентской ж.-дор. не минула чаша извѣстныхъ издавна особенностей „казеннаго строительства“. Здѣсь, какъ и во всѣхъ трудахъ „казенныхъ“ строителей, сказались таже заботливость и тоже вниманіе къ дѣлу. Дорога, сданная постройкой въ эксплуатацію лишь только осенью пр. г., какъ выясняется уже теперь, требуетъ не малыхъ затратъ на различныя исправленія и переустройства, необходимыя для правильной эксплуатаціи дороги. Не болѣе какъ черезъ годъ по окончаніи постройки южная часть дороги требуетъ напряженнаго вниманія эксплуатационнаго надзора за всѣми, безъ исключенія, сооруженіями. Доброе наследство, оставленное постройкою эксплуатационному управленію, ввидѣ недоулокъ около 2 мил. руб. надѣлаетъ, какъ видно Т... дорогѣ не мало хлопотъ, что и покажетъ недалекое будущее, пока-же придется указать лишь только болѣе крупныя явленія „казеннаго строительства“, сказавшіяся сейчасъ-же послѣ сдачи дороги въ эксплуатацію. 5-го января с. г. произошелъ размывъ полотна на перегонѣ Бешъ-Арыкъ—Сауранъ-Туркестанъ на протяженіи въ общемъ около 140 саж., 8 февраля размывъ этотъ повторился, повредивъ устои мостовъ на 1451 т. 1456 верш. Какая сумма потребовалась на возстановленіе временнаго, надо сказать, и не особенно надежнаго движенія, угадать трудно, но во всякомъ случаѣ сумма эта должна быть тыс. 20—40, принимая во вниманіе, что стоимость земляныхъ работъ должна быть, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ производились работы, руб. 20—25 кубич. саж. Не надежность исправленія полотна сказались 4 марта, когда поѣздъ № 4 потерпѣлъ крушеніе на 1468 вер.